

СКИФСКАЯ «ИНДИЯ», АЙЯ В КОЛХИДЕ И КАВКАЗСКАЯ АХАЙЯ

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 июня 2019 г.

Аннотация: сравнительное изучение разнотипных аспектов древней истории Греции и Индии обратило внимание ученых на сходства между языками, материальной, художественной и духовной культурой древних греков и ведийских ариев. В пользу бывшего родства двух народов свидетельствуют данные античной традиции об областях Индия, Ахайя и «земле Аиа» на кавказском побережье Черного моря, находящие себе аналоги в мифологии и эпической поэзии Древней Индии. Их рассмотрение (в контексте истории населения Северного и Восточного Причерноморья, Малой Азии, полуострова Индостан и Балканской Греции, на основе междисциплинарного подхода и с учетом достижений археологов, лингвистов и исторической компаративистики) показывает, что единственным путем доказательства достоверности показаний разнотипных источников по данному вопросу является выяснение их исторической основы (географической, этнической и социальной).

Ключевые слова: гидронимия, этногенез, топонимика, Индия, Колхида, Айя, Кавказ, Ахайя, ведийские арии, Певтингеровы таблицы, Геродот, Диодор, Плутарх, Страбон.

Abstract: a comparative study of different types of aspects of ancient history of Greece and India drew the attention of scientists to the similarities between the languages, material, artistic and spiritual culture of the ancient Greeks and Vedic Aryas. In favor of the former relationship of the two peoples is evidenced by the data of the ancient tradition of the regions of India, Achaia and «Aia land» on the Caucasian coast of the Black sea, which find their analogues in the mythology and epic poetry of Ancient India. Their consideration in the context of the history of the population of the Northern and Eastern Black sea, Asia Minor, the Indian Peninsula and Balkan Greece on the basis of an interdisciplinary approach and taking into account the achievements of archaeologists, linguists and historical comparative studies shows that the only way to prove the reliability of the testimony of different types of sources on this issue is elucidation of their historical basis (geographical, ethnic and social).

Key words: hydronyms, ethnogenesis, toponomastica, India, Colchis, Aia, Caucasus, Achaia, Vedic Aryans, Peutinger tables, Herodotus, Diodorus, Plutarch, Strabo.

Среди других аспектов изучения в отечественной и зарубежной науке древней истории Восточной Европы вообще и Северного Причерноморья в частности, особенно в плане проблематики этногенетической предыстории местного населения в античную эпоху, существенный интерес приобрело обращение специалистов к реинтерпретации и переосмыслению данных древнегреческой и ведийской мифологии. Определяющий вектор их рассмотрения выразился в поиске, с одной стороны, отображенных в мифах исторических реалий, а с другой – идентификации географических представлений с учетом типологии и жанра подвергаемых анализу произведений – носителей такой информации¹.

К настоящему времени ситуация в науке носит противоречивый характер и характеризуется сосуществованием двух основных подходов: традиционного и междисциплинарного. Первый из них пытается объяснить историческую подоснову и логику географического кругозора античной цивилизации на

разных этапах ее исторического развития. Второй, опираясь на новейшие данные лингвистики, филологии и археологии, доказывает закодированный характер отложившихся в мифах исторических реалий, особенно на этапе миграции этноса в позднейшие места своего расселения.

Предлагаемая в названии статьи тема в указанном отношении не составляет исключения. Состояние ее изученности, более того, иллюстрирует наличие диаметрально противоположного понимания проблемы конкретными учеными. Индия античной традиции, Синдика и скифская «Индия», Айя (Земля) и Айя (страна в Колхиде), кавказская Ахайя на римских картах, река Фазис, Кубань, Борисфен и Танаис, маршруты обратного возвращения аргонавтов в Иолк и т. д. – всего лишь неполный перечень дискуссионных проблем [1–5]. В самое последнее время реконструкция пути возвращения Одиссея была проложена через Северо-Восточное Причерноморье с локализацией в этом регионе острова Кирки Айайи и входа в Аид, расположенного, по Гомеру, в стране киммерийцев [6].

Внимательное знакомство, однако, показывает, что предпринятые попытки их разрешения, особенно

¹ Большой объем материалов диктует необходимость сосредоточения основного внимания на проблеме «Айя в Колхиде».

© Писаревский Н. П., 2019

трактовки вопроса локализации Аи в Колхиде, производились в русле традиционных подходов и представлений, не выходящих за пределы идей, высказанных в свое время В. Али и Р. В. Гордезиани. Они совершенно исключают аспект, связанный с общностью происхождения, а следовательно, и религиозных представлений, мифологии и эпической поэзии у народов, заселявших прибрежные области Понта Эвксинского с древними греками в предшествующую античной цивилизации историческую эпоху. А это не могло не сказаться на недостаточном внимании к выяснению множества конкретных вопросов, рассмотрение которых в иных контекстах позволяет составить представление о местоположении земли Аia и локализации Ая в Колхиде, о родственных связях царя Колхиды с династиями скифов (Агаэт) и тавров (Фоант), не говоря уже о знаковости и лингвистической прозрачности имен мифологических персонажей из окружения царя Колхиды (Фрикс, Гелла, Геката, Идия, Перс, Медея, Кирка и др.).

Важное, существенного порядка наблюдение, которое дает толчок к изменению ракурса рассмотрения заявленной нами проблемы, было в отечественной историографии тем не менее сделано. При исследовании совершенно иной проблематики В. Л. Цымбурский и Л. А. Гиндин высказали мысль, согласно которой Трою (как и Эю в Колхиде) следует относить к числу промежуточных прародин древних греков на пути их переселения на Балканы через Кавказ и Малую Азию [7; 8]. Такая постановка вопроса вписывается не только в свидетельства греческих мифов и античной традиции, но и встречает археологические подтверждения как в центральной Евразии, так и на пространствах Балкан и Индостана [9].

С учетом данного обстоятельства в несколько ином аспекте начинает проявлять себя информация античных авторов об ахейских гаванях в Северном Причерноморье, племенах будинов и гелонов в Восточной Европе, зигов, ахейцев и гениохов на кавказском побережье Черного моря. Данную информацию с учетом мифопоэтических реалий следует рассматривать в контексте самих представлений древних греков эпохи классики относительно своего собственного прошлого. Хорошо известно, что они (об этом свидетельствуют их многочисленные мифы) никогда не считали себя автохтонным населением на Балканах. На фоне многообразия и отсутствия систематизации греческой мифологии в отличие от индийской это можно рассматривать как показатель глубины и прочности концепта их этногенеза, закодированного на уровне общественного сознания.

Вторая и не менее важная предпосылка для производства исследований в названном направлении вызвана доказательством историчности носителей греко-арийской культурной и языковой общности [10;

11, 12, р. 364–382; 13, S. 164; 14, S. 24; 15, р. 115]. Оно открывает новые возможности в историческом объяснении сюжетов как мифологии двух народов, так и родства их самих, и прежде всего на начальных этапах своей истории [12].

Третья предпосылка исследования проблемы предопределена результатами сравнительно исторического изучения множества греко-арийских параллелей, количество и многоуровневость которых пронизывают буквально все стороны материальной, художественной, духовной культуры, языка, письменности культуры древних греков и ариев Индии [16]. В указанном отношении особый интерес представляют факты микенской эпохи и гомеровского периода, их отображенности в разнотипных памятниках культуры Древней Греции последующего времени [17; 18, р. 134–168]. Среди них особый интерес представляет сопутствующая изложению сюжета о походе и возвращении аргонавтов топонимастика (присутствуют топонимы Иолк, Аia, Аiaia, гидронимы Фазис, Аракс, Танаис, Истр, хоронимы Индия/Синдия, Аттика, Хайхайя, Ахайя, имена основных персонажей (Фрикс, Гелла, Ясон, Айэт/Ээт) [19]. Их рассмотрение приобретает еще большую уникальность с привлечением фактов древней картографии, отложившейся в так называемой Певтингеровой таблице [20].

Такое же значение приобретают в указанном отношении свидетельства трех византийских рукописей IX или X вв. В одной из них – рукописи так называемой Флорентийской ветви (Laug. plut. LXX 3 (A)) в приложении к побережью Черного моря и племени синдов отложилось название Ἰνδική. В другой – Ватиканской рукописи (Vat. 122) – относительно того же самого сделана уточняющая поправка Ἰνδική. Более того, в редакции рукописи труда Ипполита (τῆς γῆς (H1)) в списке потомков Иафета перечислены друг за другом земли Κολχίς, Ἰνδική, Ἀχαΐα, Βοσπορίνη. О том, что названные представления по географии Синдики и Колхиды были популярны во времена схолиастов античных рукописей, свидетельствует еще один византийский труд «Пасхальная хроника» Анонима. Ее автор разделил первоначальную запись Ἰνδική Ἀχαΐα, поставив первое название в другое место расширенного им списка стран, населенных потомками Иафета, построил его в произвольной последовательности: Κολχίς, Σπανογαλλία, Ἰνδική, Ἰβερία, Ἀχαΐα, Σπανία ἢ μεγάλη, Βοσπορίνη. Это последнее, по мнению отечественного лингвиста-филолога С. Р. Тохтасьева, – показатель обескураженности византийских переписчиков перемещением Индии в Понтийскую Скифию [21, с. 177]. Данное наблюдение он переносит и на современную монету свидетельства Геродота и Гезихия о синдах и меотах, в особенности на сторонников гипотезы

Кречмера – Трубачева². Отметим сразу: с такой оценкой, особенно в самое последнее время, высказывают несогласие многие зарубежные специалисты [9, p. 206; 22]. Вопрос этот особый, требует специального рассмотрения, поэтому мы продолжим представление выявленных нами наблюдений относительно типологически родственных аспектов. Сочетаемость Ахайи и Индии даже при самом скептическом восприятии этой информации вполне соответствует и вписывается как в наблюдения античных авторов (Страбон), так и в оценки современных специалистов о распространенности индоарийской топо-, гидро- и этнонимии в Северном Причерноморье, в Крыму вообще и на Северном Кавказе в частности [23; 24].

Еще более показателен в указанном отношении этно- и хорографический ряд титулатуры боспорского царя Эвмела у Диодора Сицилийского (XX, 25, 4), в которую тот включает владение царем и Индией – τῆς Ἰνδικῆς. Однако еще более доказательным аргументом в названном отношении служит свидетельство такого непредвзятого античного автора, каким по отношению к нашей проблематике был Плутарх. В перечислении побед римского полководца Помпея над понтийским царем Митридатом VI Эвпатором (наряду с индоарийскими и фракийскими именами вождей Кавказской Албании) упоминает Понтийское царство, Каппадокию, Индию, Колхиду и иберов (Plut. Rompr., 45). Из сообщения прямо следует, что речь идет не о той Индии, которая располагалась на Индостане, и где Помпей не воевал, а об Индии, которая находилась к северу от Колхиды, иберов и албанов [25]. Данные античного биографа – убедительное подтверждение негативной оценки Страбона достоверности географических сообщений историков походов Александра. «Их сочинители, – писал он, – думали больше о лести, чем об истине. Так, например, они переносят название «Кавказ» с гор, возвышающихся над Колхидой и Эвксинским Понтом, на индийские горы и на Восточное море...» (Strabo., XI, 5, 5).

В настоящее время на фоне собранных фактов практически ни у кого не возникает сомнений, что топо-гидро-этнонимия и ономастика Северного и Северо-Восточного Причерноморья отображают разные лингвистические основы, т. е. архаическую греческую, индоарийскую и иранскую³.

² Как тут не вспомнить Э. А. Грантовского, указывавшего на взаимозависимость археолога и лингвиста в трактовке этногенетических проблем, связанных с археологическим контекстом. Сам ученый следовал выявленной им же самим закономерности – критиковал Indoagica О. Н. Трубачева в Северном Причерноморье.

³ В самое последнее время от такой трактовки стал отходить С. В. Кулланда, полагающий, что, во всяком случае, меоты Приазовья представляли собой особую ветвь арийских языков [26]. Тот же самый взгляд в защиту теории О. Н. Тру-

Именно на таком багаже аргументации относительно проживания в этом регионе прапредков-греков и ведийских ариев вопреки устоявшемуся мнению отдельных специалистов [21; 28; 29], как нам представляется, должно базироваться понимание пластов информации как в греческой мифологии, так и памятниках материальной культуры эпохи поздней бронзы. Оно позволяет установить множественность грекоарийских сходств в мифологии, эпической поэзии и религиозных представлениях.

Ситуация становится прозрачной, если обратить внимание на два имеющих существенное значение, взаимосвязанных между собой аспекта. С одной стороны, о присутствии ахейцев на кавказском побережье Черного моря (представления об их природе и происхождении). С другой стороны, о сходстве ономастикона основных персонажей греко-индийской мифологии, проявляющегося в особенности в связи с сюжетом о земле Ата в Колхиде и содержащего это понятие в качестве своей корневой основы.

С точки зрения доказательства данного тезиса внимания заслуживает рассмотрение трех первостепенной важности вопросов. Что такое Ая в Колхиде вообще и у Геродота в частности (Herod., I, 2)? Кто такой Айэт, царь Колхиды, и что представляет собой его окружение? Кто такой индийский эпический царь Яяти, кого он персонифицирует, каково его окружение и насколько он идентичен царю «земли/страны Айя» Айэту?

С точки зрения лингвистики и этимологии понятия Айя и Колхиды достаточно давно разведены в науке. Это тоже отдельный аспект, частично изученный, частично изучающийся в науке. Результаты известны, и мы не будем останавливаться на нем своего внимания. Выделим самое важное. В индоевропейской (далее – ИЕ) этимологии Айя/Эйя специалисты усматривают воплощение двух идей – идеи вечной юности и вечного возрождения. Они-то и реализуются в соответствующих понятиях (др.-инд. ау- – «жизненная сила», авест. ау- – «длинная жизнь», др.-греч. αἰών // ἔτων – «век, жизнь, поколение», лат. *aevum* – «век, вечность» и т. п. а также лат. *juvenis* – «молодой»). Понятие юности в ИЕ языках, по глубокому убеждению В. Н. Топорова, кодируется тем же самым языковым элементом [30–32].

В указанном контексте следует трактовать и фигуру царя колхов с производным от названия страны Айя именем Айэт (Αἰήτης). Согласно данным мифов греков, он – сын Гелиоса и Персеиды. Он же – фигура, которая, согласно поэту Эвмелу, связывает с Кол-

бачева высказывается и венгерскими лингвистами [22, с. 273–283]. Но самое важное: этот подход с точки зрения изучаемой проблемы приобретает особое значение в контексте гипотезы о существовании индо-уральской общности древних языков [27, с. 382, 397].

хидой Коринф, намекая на дорийское происхождение персонажа. Его дочь – волшебница Медея (Μήδεια), которая сбегает с предводителем аргонавтов Ясоном в Иолк. Не принятая в Греции, Медея возвращается на родину и восстанавливает своего отца на царство, трон которого был захвачен его братом Персом. В пересказе Диодора, это сделал царь тавров Фоант, а возвращению Айэта способствовала отравившая своего отца Геката (Diod., IV, 45, 2)⁴.

В другом варианте мифа к власти приходит Мед (Μήδος, Μήδεϊος) – сын Медеи от Ясона, имя которого тождественно этнику фракийского племени медов. Имевшие место попытки объяснения имени Медеи на греческой почве от ИЕ корня *med-, греч. μέδομαι – «мерить, думать, врачевать» [33, р. 693] были отвергнуты [34, с. 811]. Истину установил М. Майрхофер, доказавший связь имени Медеи с именем индийской принцессы Мадхави/Madhavi [35, S. 303]. Оно этимологически связано с названием напитка «медовуха» и восходит к ИЕ *medhu- [Ibid., S. 304]. Последнее находит соответствие в изображении Медеи в греческих мифах как волшебницы и колдуньи, использовавшей знание волшебных трав с целью усыпления или отравления своих соперников.

Самое же важное наблюдение сделано А. Петросяном. «В именах Mēdeia и Mādhavī, – указывает он, – совпадает длина первого гласного и ударение на нем (ИЕ е в индийском переходит в а)» [36, с. 863]. На этом основании он приходит к заключению, согласно которому, восходя к единой ИЕ праформе вместе с именем Мадхави, имя колхидянки Медеи представляет собой негреческое имя в греческой интерпретации [Ibid.]. Добавим, что на то же самое указывают и имена супруги Айэта Идии (Iada/Ида/Yadu), находящие аналоги в ономастике и топонимике Индии, Малой Азии и Аттики.

Поиски аналога и этимологии имени царя Колхиды приводят к убеждению, что его «двойником» с точки зрения морфологического сходства выступает имя индийского эпического царя Яяти (Yayāti) – одного из важнейших персонажей «Махабхараты» и «долгожителя» индийской мифологии и эпической традиции. Яяти – властитель, лучший из царей, прародец царей и народов, владыка тысячелетней молодости, житель множества райских миров. Его сыновья (один от женщины из племени данавов, другой – от женщины из племени даитьев) становятся первопродками племен Индии (в том числе греков и других западных народов) (Mhb., I, 70–88; V, 105–119).

Имя Яяти ранее считалось неясного происхождения [35; 37, S. 74; 38; 39; 40, с. 92]. В самое последнее

время сформулированы основания, свидетельствующие в пользу связи Яяти с ИЕ *aiw-/*ayu-. Во-первых, он был внуком «вечно молодого» Айю, имя которого восходит к корню «юношеская жизненная сила, вечность» (он еще называется «юнейшим») (РВ I, 53, 10) [41]. Поскольку в именах Aiētēs и Yayāti, как акцентируют внимание лингвисты, друг другу соответствуют даже ударение и длина второго слога, то с точки зрения сходства общность персонажей двух родственных мифологий не выглядит простым совпадением. Более того, с именем Айэта этимологически почти полностью совпадает имя брата Яяти – Айяти (МНВ., I, 70, 29). В частности, по мнению А. Петросяна, начальный у- в имени Yayāti может объясняться неполной редупликацией корня, обусловленной стремлением к усилению имени. Такая же конструкция характерна и для греческого языка и наиболее выразительно представлена в образовании имени острова Айайи – острова сестры Айэта в Океане. Αἰαίη – удвоенный вариант Айя, поскольку родиной Кирки, как и ее родного брата, была Айя, что и засвидетельствовано Гомером, позаимствовавшим сюжет о путешествии аргонавтов для «Одиссеи» [36, с. 864; 42, с. 134; 43, р. 204].

Еще более убеждают в этом законы языка, выявленные в ассирийских надписях (Чинекейская иероглифо-алфавитная билингва VIII в. до н. э.) [44, с. 1210; 45, р. 343–420]. Ее тексты продемонстрировали переходы дифтонгов ai-ai и ya-ya друг в друга при обозначении одного и того же племени сходными определениями из разных языков – Аданава и Яднана. Последнее из них, и это особенно важно, находит соответствие как в греческом, так и ведийском написании названия племени Yadu – того же самого, с помощью которого Страбон обозначал Малую Азию и Аттику в своих рассуждениях о расселении носителей греческих диалектов (Strabo, VIII, 1, 2).

Но и это еще не все. Этой же надписью зафиксировано Iauaia, близкое по написанию ведийскому обозначению племени jāna (дословно: «люди, народ, юноши»), напоминающему греческое *Aiun- *Iωνα/Iων/Iaunaia/Ἴωνες, включая имя царя гиксосов Iannas/Hianas [46, с. 124–125]. Но это уже другой вопрос – об этимологии этнонима ионийцев и содержании термина Ahhiyawa хеттских источников (ахейцы-ионийцы) [47].

Но и это еще не финал. Тождественно-родственная имени царя Колхиды ономастика есть не только в Ригведе, но и в индийских надписях VI–V в. до н. э. В частности, имя Ajasatru носил сначала вождь племенного вожества Каши, а потом и царь территориального царства Магадха. Еще больший интерес представляет то, что пещера девы Ayatana располагалась в местности Ajanta на территории племени Кашей (Casa). Наконец, обращает на себя внимание близость этнонима индийского племени анов этно-

⁴ От этой последней царь Айэт имел сына Эгиалея (Αἰγιαλεύς), имя которого идентично имени Эгиалея, сына бога реки Инаха и нимфы Мелии, и названию области на Пелопоннесе.

нимаю племени *ainiani* на Пелопоннесе с г. *Ainiana* на Кавказе Страбона, в котором проживал род *hanhani*, название которого встречает аналогию в этнониме племени старшего из внуков индийского царя Яйти/Айэта – *hayhaioi* (Strab., XI, 7, 1; 14, 14) [48, p. 153].

Суммируя результаты наших наблюдений, следует с достаточной уверенностью утверждать об особой близости рассмотренных образов общеиндоевропейского сюжета в мифологиях древних индийцев и греков. Данное впечатление опирается на значительное множество сходств. Оно просматривается в ономастике персоналий, топонимии, гидронимии и этнонимии (добавим сюда упоминания о племени данавов и даитьев, от которых берут начало царские династии ведических ариев с примечательным наименованием одной из них *Aia*). Его можно заметить в таксономии упоминаемых античной традицией соционимов данайцев-ахейцев/ионийцев древних греков, демонстрирующих свое родство через политоним *Ahhiyawa*. Оно отложилось в общих законах, свойственных морфологии и словообразованию в греческом языке и санскрите, особая близость которых, по наблюдениям филологов, проявляется не только в совпадении ударений, но, что самое важное, в самих идентичных по своему размеру длиннотах словарных выражений. Наконец, оно выразительно представлено в практическом тождестве сюжетных линий, персонажей и имеющих обратный результат коллизий в художественных текстах древних греков и ведийских ариев.

Рассмотренные факты позволяют сформулировать гипотезу, согласно которой в мифе о стране Айя в Колхиде и ее царе Айэте нашли отображение идентичность образов индийского Яйти и греческого Айэта, Медеи и Мадхави точно так же, как и тождество представлений об Океане, возмутителях спокойствия богах Праматхе и Прометее, наконец, озабоченность богов увеличением народонаселения земли, выступившая побудительным мотивом рождения эпических поэм Древней Греции и Древней Индии [49, с. 77, 89, 129; 50].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарин М. Д. Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции / М. Д. Бухарин // Индия и античный мир. – М., 2002.
2. Подосинов А. В. Странствия Ио в «Прометее прикованном» Эсхила и архаическая картина мира греков / А. В. Подосинов // Аристей. – 2013. – Вып. VII.
3. Подосинов А. В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков в связи с путешествиями аргонавтов, Геракла и Одиссея / А. В. Подосинов // Аристей : Вестник классической филологии и античной истории. – 2012. – Вып. V.
4. Подосинов А. В. К вопросу об истоках Танаиса в представлениях античных географов / А. В. Подосинов // Боспорские исследования. – 2015. – Вып. XXXI.
5. Рабинович Е. Г. Незримая граница / Е. Г. Рабинович // Евразийское пространство : звук, образ, слово / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. – М., 2003.
6. Мачинский Д. А. Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) / Д. А. Мачинский, В. Т. Мусбахова // Боспорский феномен. – СПб., 2009.
7. Гиндин А. Л. Троя и Пра-Аххийява / А. Л. Гиндин, В. Л. Цымбурский // Вестник древней истории (далее – ВДИ). – 1994. – № 3. – С. 18.
8. Гиндин А. Л. Прагреки в Трое (междисциплинарный аспект) / А. Л. Гиндин, В. Л. Цымбурский // ВДИ. – 1994. – № 4.
9. Hall D. Ancestry constructed from phylogenetic analysis supports the Indo-European steppe hypothesis / D. Hall, A. Caret // Language. – 2015. – Vol. 91. – Iss. 1.
10. Watkins C. How to Kill a Dragon / C. Watkins. – Oxford, 1995.
11. West M. L. The Invention of Homer / M. L. West // Classical Quarterly. – 1999. – Vol. 49 (364).
12. West M. L. Indo-European Poetry and Myth / M. L. West. – Oxford, 2007.
13. Meier-Brugger M. Indogermanische Sprachwissenschaft / M. Meier-Brugger, H. Krahe. – Berlin, 2002.
14. Meier-Brugger M. Indogermanische Sprachwissenschaft / M. Meier-Brugger, M. Fritz, M. Mayrhofer. – Berlin, 2010.
15. Clackson J. Indoeuropean Linguistics / J. Clackson. – Cambridge, 2007.
16. Писаревский Н. П. Греко-арийские параллели. I. Этнонимия / Н. П. Писаревский // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2017. – № 2.
17. Properzio P. The “Ramayana” and the “Odyssey” : kindred epics of India and Greece / P. Properzio // The Classical Outlook. – 2009.
18. Snubha P. Divine Yet Human Epics : Reflections of Poetic Rulers from Ancient Greece and India / P. Snubha. – Washington, 2014.
19. Nagy G. The Epic Hero : A Companion to Ancient Epic / G. Nagy ; ed. J. M. Foley. – Washington, 2006.
20. Braund D. Palaia Achaia : a Pleiades place resource / D. Braund [et al.] // Pleiades : A Gazetteer of Past Places. – 2012. – Mode of access: <https://pleiades.stoa.org/places/825345>
21. Тохтасьев С. Р. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора / С. Р. Тохтасьев // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры : в 7 т. – 2017. – Т. 6.
22. Пачаи И. Некоторые данные о теории О. Н. Трубачева о синдах / И. Пачаи // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 1.

23. Яйленко В. П. Очерки этнической истории Скифии в IV в. до н. э. / В. П. Яйленко // Античная цивилизация и варвары. – М., 2006.
24. Яйленко В. П. Топонимика античного Крыма / В. П. Яйленко // Боспорские исследования. – 2017. – Вып. 35.
25. Сапрыкин С. Ю. Новая Митридатовская катойкия на Боспоре / С. Ю. Сапрыкин // ВДИ. – 2006. – № 3.
26. Куланда С. В. Переднеазиатский арийский. К проблеме генеалогической классификации / С. В. Куланда // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского) : материалы конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г. / отв. ред. Н. Н. Казанский. – СПб., 2014.
27. Касьян А. С. Вероятностная оценка индоевропейско-уральского родства : формализованное сравнение реконструированной базисной лексики / А. С. Касьян, М. А. Живлов, Г. С. Старостин // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского) : материалы конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г. / отв. ред. Н. Н. Казанский. – СПб., 2014.
28. Иванчик А. И. Античная литературная традиция / А. И. Иванчик // Античное наследие Кубани : в 3 т. Т. 1. – М., 2010.
29. Фалилеев А. И. Лингвистическая атрибуция носителей культуры Триполье-Кукутень. О доверии к лингвистическим построениям археологов / А. И. Фалилеев // Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук. – Т. IV, № 1. – (Colloquia. Classica et Indogermanica. – 2008. – Vol. IV).
30. Топоров В. Н. Дерево Мировое / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – М. : Советская Энциклопедия, 1980.
31. Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы : в 2 т. / В. Н. Топоров. – М., 2010. – Т. 1.
32. Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы : в 2 т. / В. Н. Топоров. – М., 2010. – Т. 2.
33. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque / P. Chantraine // Histoire des mots. – Vol. 1–4. – Paris, 1968–1980.
34. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси, 1984.
35. Mayrhofer M. Die Personennamen in der Rgveda-Samhita : Sicheres und Zweifelhafes / M. Mayrhofer. – München, 2003.
36. Петросян А. Миф об аргонавтах : индоевропейские параллели и история / А. Петросян // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX. – СПб., 2016. – № 2.
37. Kupfer K. Die Demonstrativpronomina im Rigveda / K. Kupfer. – Frankfurt am Main, 2002.
38. Елизаренкова Т. Я. Мир идей ариев Ригведы / Т. Я. Елизаренкова // Ригведа. Мандалы V–VIII / пер. и издание подготовила Т. Я. Елизаренкова ; под ред. П. А. Гринцера. – М., 1995.
39. Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе / Т. Я. Елизаренкова. – М., 1995.
40. Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии / Ф. Б. Я. Кёйпер. – М., 1986.
41. Топоров В. Т. Аю / В. Т. Топоров // Мифы народов мира : в 2 т. Т. 1. – М., 1988.
42. Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории / Ю. В. Андреев. – Л., 1990.
43. Fawler R. S. Early Greek Mythography : Texts. Vol. 2 / R. S. Fawler. – Oxford, 2013.
44. Сафронов А. В. Идентификация страны Дануна / А. В. Сафронов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXII : материалы XXII чтений памяти И. М. Тронского : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Н. Н. Казанский. – Ч. 2. – СПб., 2018.
45. Oreshko R. Hieroglyphic inscriptions of Western Anatolia : Long arm of the Empire or vernacular traditions / R. Oreshko // Luwian Identities : Culture, Language and Religion between Anatolia and Aegean / ed. By A. Mouton. – Leiden, 2013.
46. Писаревский Н. П. Гелон Геродота. Эллинский город в стране будинов (исследования об этнической предыстории населения Среднего Дона и степи и лесостепи Евразии в скифское время) / Н. П. Писаревский. – СПб., 2013.
47. Писаревский Н. П. Ahhiya, Ahhiyawa, ахейцы и ионийцы (к проблеме соотношения историко-географических понятий в эпических поэмах Гомера и эпиграфических источниках древних хеттов) / Н. П. Писаревский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. – 2017. – № 15 (264). – Вып. 43.
48. Bhimala Ch. B. Tribes in Ancient India / Ch. B. Bhimala. – Poona, 1973.
49. Невелева С. Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса / С. Л. Невелева. – М., 1991.
50. Писаревский Н. П. Данайцы древних греков и данавы древних ариев / Н. П. Писаревский // Личность. Общество. Власть : материалы двенадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2018 г.). – Воронеж, 2018.

Воронежский государственный университет
Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Voronezh State University
Pisarevskiy N. P., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Ancient History and Archaeology Department
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru